

И. Вернадский

**Критико-историческое исследование об
итальянской политико-экономической
литературе до начала XIX века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Вернадский**
Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века / И. Вернадский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 120 с.

ISBN 978-5-4241-3767-9

ISBN 978-5-4241-3767-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Не многіе моменты въ исторіи науки имѣютъ такой интересъ для ученаго изслѣдователя, какъ моментъ ея первоначальной обработки, когда умъ человѣческій старается оріентироваться въ безконечномъ хаосѣ разнообразныхъ данныхъ, лишенныхъ всякой взаимной связи, часто по видимому противорѣчащихъ одно другому, и съ перваго взгляда не представляющихъ ничего общаго между собою. Провѣрить ихъ ученою критикой, привести въ систему и сдѣлать изъ нихъ выводы, которые бы могли войти въ составъ образующейся науки, — все это составляетъ трудную задачу; рѣшеніе ея безспорно дѣлаетъ честь вѣку, предпринявшему его, и творческой способности человѣческаго ума. Къ несчастію, человѣкъ приходитъ не скоро къ такому рѣшенію: прежде, нежели онъ попадетъ на вѣрную стезю, онъ дѣлаетъ много неудачныхъ попытокъ и долго блуждаетъ во тмѣ ошибокъ и предразсудковъ.

Исторія всѣхъ наукъ свидѣтельствуетъ истину этого положенія, но ни одна изъ нихъ — быть можетъ — не подверглась этой участи въ такой мѣрѣ, какъ Политическая Экономія. Прошли тысячелѣтія прежде, нежели начала ея признаны были образованнымъ міромъ. До тѣхъ поръ законодательство въ дѣлахъ экономическихъ шло какъ бы ощупью: самыя вопіющія несправедливости совершались безъ всякаго сознанія ихъ значенія и ихъ послѣдствій. Личная безопасность, — эта основа всѣхъ экономическихъ дѣйствій, существовала только въ видѣ исключенія. Трудъ, главный и единственный источникъ богатства, не пользовался никакими правами гражданскими и часто бывалъ клейменъ какимъ-то позоромъ. Общественная власть, эта высшая хранительница священныхъ интересовъ общества, постоянно приходила въ столкновеніе съ индивидуальной волей, не понимавшей ни своего отношенія къ ней, ни истинной своей выгоды. Вездѣ существовалъ какой-то хаосъ, какая-то неопредѣленность и неясность воззрѣній; вездѣ была борьба, не скажу — неразумная, потому что это было бы клеветою на Провидѣніе, но по крайней мѣрѣ странная и безсознательная. Казалось бы, что человѣкъ, наученный этимъ вѣковымъ горькимъ опытомъ, долженъ былъ постараться дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, составлявшихъ сущность его всѣдневной жизни и предметъ его постоянныхъ заботъ, — въ явленіяхъ

его вещественнаго владѣнія, богатства, цѣнностей; но къ несчастію наблюденіе законовъ развитія наукъ, обусловливаемыхъ законами развитія человѣческаго ума вообще, показываетъ намъ, что ожидать этаго было бы слишкомъ рано: наглядность и — такъ сказать — вседневность экономическихъ явленій мѣшала раннему появленію науки объ нихъ. Пытливый умъ человѣческій по своей природѣ всегда предпочитаетъ отдаленное — близкому, совершенно неизвѣстное тому, что у него находится постоянно передъ глазами. Онъ берется гораздо охотнѣе за рѣшеніе отвлеченныхъ началъ бытія, стремясь въ далекій, неясный міръ безусловнаго и безконечнаго, нежели за наблюденіе простыхъ явленій земной жизни. По этому Философія предшествуетъ другимъ наукамъ; Астрономія — Физикѣ; Физика — Химіи и т. д. Въ этомъ явленіи, достаточно объясняющемъ причину позднаго появленія Политической Экономіи, мы видимъ признакъ силы человѣческаго ума и ручательство въ дальнѣйшихъ успѣхахъ нашихъ на поприщѣ знанія. Чѣмъ чаще обращается человѣкъ съ предметомъ, тѣмъ онъ для него кажется понятнѣе только потому, что онъ не вникнулъ въ глубину его свойства: приглядѣвшись къ нему, онъ не почиталъ его достойнымъ своего изученія; онъ не понималъ, что въ предметахъ, съ которыми онъ обращается ежедневно, и которые по этому оползли въ его глазахъ, кроется также много чудеснаго, т. е. не находящагося въ волѣ отдѣльнаго человѣка, какъ и въ движеніи звѣздныхъ міровъ. Онъ не понималъ, что вещественное богатство составляетъ такое же проявленіе великихъ законовъ природы, какъ и лучшія созданія его фантазіи, что стройность и послѣдовательность явленій въ его области также удивительна, какъ стройность и послѣдовательность явленій живаго организма.

Но кромѣ этой первой — такъ сказать — психической причины позднаго развитія нашей науки — есть еще другая, лежащая въ самой природѣ предмета, которымъ она занимается. Дѣятельность, имѣющая цѣлю матеріальное производство, состоитъ въ усиленномъ удовлетвореніи потребностей нашихъ, но наши потребности по природѣ своей находятся въ вѣчномъ броженіи: каждое мгновеніе въ жизни отдѣльнаго лица, какъ и въ жизни народа, измѣняетъ взаимное отношеніе ихъ, приводитъ ихъ къ различнымъ, безконечнымъ по числу соединеніямъ, порождающимъ новыя потребности и т. д., каждое мгновеніе по этому представляетъ большую противъ прежняго и по объему и по силѣ настоятельность потребностнаго удовлетворенія. Тѣснимый ею — человѣкъ рѣдко имѣетъ возможность обсудить и взвѣсить ихъ значеніе вѣрно и безусловно. Онъ видитъ только ихъ проявленіе въ себѣ, чувствуетъ требованіе ихъ и берется за первый бли-

жайшій къ нему способъ ихъ удовлетворенія: воровство, грабежъ, обманъ, такъ сильно вредящія общественному развитію, находятъ здѣсь прямое объясненіе свое. Близорукость ума не позволяетъ видѣть виновникамъ этихъ преступленій той органической связи, которая существуетъ между ними и общественнымъ тѣломъ, и скрываетъ отъ нихъ истинную природу ихъ личнаго благосостоянія, всегда не прочнаго, а потому только мнимаго, если оно не вытекаетъ изъ началъ благосостоянія общественнаго, долженствующаго быть основою для частнаго.

По этой же настоятельности потребностей и быстротѣ ихъ развитія — съ одной стороны, определенной ограниченности средствъ — съ другой, человекъ приучается руководиться въ выборѣ послѣднихъ рутинною, преданіемъ, предрасудками. И такъ стремленіе удовлетворять потребностямъ средствами противозаконными или рутинной — дѣлало труднымъ признаніе началъ науки, наиболѣе вооружавшейся противъ того и другаго.

Открыть эти начала предоставлено было только ближайшему намъ времени. Явленіе науки въ новой, болѣе совершенной формѣ составило блистательную эпоху. Сперва съ недоувѣрчивостію, а послѣ съ увлеченіемъ слѣдилъ образованный міръ за ея развитіемъ, предвидя въ ней залогъ своего счастья и своего спокойствія. Наука учила истинѣ и миру, а истина и миръ — рано или поздно найдутъ отголосокъ въ умѣ и сердцѣ большинства людей, хотя они и способны на время увлекаться ложными мнѣніями.

Эта эпоха появленія науки Политической Экономіи въ достойномъ видѣ — съ полнотою содержанія и отчетливостію въ научныхъ выраженіяхъ — совпадаетъ съ концемъ прошлаго столѣтія; но при этомъ невольно рождается вопросъ, неужели она явилась вдругъ, не предшествуемая никакими отдѣльными предъидущими опытами, явилась во всеоружіи изъ головы одного мыслителя? Если бы это было такъ, то мы имѣли бы право сомнѣваться въ ея научномъ достоинствѣ: составляя результатъ вѣковой опытности, каждая наука необходимо должна имѣть корни въ прошедшемъ, и хотя она тогда не являлась въ формахъ, выдерживающихъ строгую ученую критику, однако отдѣльныя положенія ея существовали уже, выраженные въ сужденіяхъ объ различныхъ явленіяхъ: эти сужденія, эти мысли составляютъ неотъемлемое достояніе науки, въ нихъ скрывается ея зародышъ. Изложеніе ихъ даетъ намъ возможность прослѣдить процессъ ея образованія.

Но здѣсь необходимо представляются намъ слѣдующіе вопросы: 1) объясненіе этого процесса образованія науки имѣетъ ли какое нибудь значеніе въ ея исторіи? и 2) систематическое изложеніе

ея первыхъ зачатковъ имѣеть ли цѣну въ ней самой, для ея дальнѣйшаго развитія?

На оба эти вопроса мы отвѣчаемъ утвердительно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. На науку мы привыкли смотрѣть — и взглядъ нашъ совершенно правиленъ — какъ на нѣчто органическое, единое цѣлое. Ни одна часть ея не можетъ быть оторвана отъ нея безъ прямого ущерба ея достоинства, безъ нарушенія ея цѣлости; такъ точно и ни одинъ моментъ ея предъидущаго развитія не долженъ быть оставленъ нами безъ вниманія, если мы хотимъ вполне оцѣнить ея значеніе и узнать истинную ея природу. Исторія науки есть — ея физиологія. Въ ней должны быть представлены всѣ фазы ея развитія, какъ бы они по видимому ни были маловажны. Организмъ мы можемъ понять только, прослѣдивъ его въ тѣхъ различныхъ видахъ, которые онъ принималъ со времени своего зарожденія. Для насъ было бы непонятно ничто живое, если бы мы ограничились наблюденіемъ его въ одинъ моментъ его существованія. Изслѣдованіе *principi salientis* также важно для правильнаго и полнаго уразумѣнія человѣческаго состава, какъ анатомическія изслѣдованія надъ тѣломъ взрослого. Отдѣльныя сужденія о научныхъ предметахъ до появленія систематическаго изложенія начатъ науки имѣютъ тоже значеніе въ ея исторіи, какъ *principi saliens* въ физиологіи человѣка. Я не говорю уже объ интересѣ, присущемъ каждому вопросу изъ области науки, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся: это составляетъ предметъ ученаго любопытства, которое дорого для успѣховъ науки, но которое еще само по себѣ не приноситъ плодовъ въ ея области. Изслѣдованіе этихъ зачатковъ науки не есть только предметъ такого любопытства.

Въ отрывочныхъ сужденіяхъ, изъ которыхъ они состоятъ, мы можемъ отличить цѣлую систему, выходящую изъ одной господствующей идеи, хотя не сознанную вполне и не выраженную отчетливо. Не смотря на ихъ кажущуюся разрозненность и противорѣчіе, при внимательномъ наблюденіи — мы всегда можемъ видѣть ихъ взаимную связь: они составляютъ какъ бы звенья одного невидимаго цѣлага. Сочиненія меркантилистовъ — въ области нашей науки представляютъ намъ разительный тому примѣръ: всѣ они проникнуты однимъ духомъ, одною идеей, всѣ они предполагаютъ цѣлый рядъ понятій, не высказанныхъ, можетъ быть несознанныхъ самими сочинителями, — но которыхъ объясненіе мы находимъ въ современныхъ имъ учрежденіяхъ и въ современномъ имъ состояніи общественныхъ наукъ вообще. — Они по этому не могутъ быть выпущены изъ полнаго изложенія развитія науки (а такова должна быть ея исторія) безъ явнаго ущерба для самаго содержанія ея.

Но есть еще другое возраженіе, дѣлаемое нѣкоторыми, имен-
но—что большая часть такихъ опытовъ, появившихся до приня-
тія наукою достойной ея, своеобразной формы, представляютъ
намъ только какія-то уродливости, наполнены большею частію
положеніями, незаслуживающими вниманія серьезнаго человѣка
въ наше время. — Противъ этого мы можемъ сказать, что
чѣмъ глубже мы вникаемъ въ сущность науки и въ смыслъ вы-
сказанныхъ до ея окончательнаго образованія мнѣній, тѣмъ болѣе
мы принуждены согласиться, что эти уродливости, эти ошибки—
большею частію только кажущіяся, что многія изъ нихъ гораз-
до ближе къ истинѣ, нежели намъ представлялось это съ перваго
взгляда: при внимательномъ наблюденіи часто мы видимъ только
неточность выраженія тамъ, гдѣ мы думали встрѣтить ложь. Это —
правило; есть — исключенія; но и самыя эти исключенія, самыя
дѣйствительныя ошибки для насъ имѣютъ важное научное, а еще
болѣе практическое значеніе.

Въ слѣдствіе тѣсной органической связи, существующей меж-
ду всѣми положеніями науки и всѣми моментами ея развитія,
мы не можемъ отрицать вліянія предыдущихъ мнѣній на обра-
зованіе послѣдующихъ, напротивъ — такое вліяніе существуетъ
въ высокой степени. Мнѣніе о какомъ-нибудь торговомъ балансѣ --
носило въ себѣ цѣлую теорію между-народныхъ торговыхъ сно-
шеній, до сихъ поръ еще неокончательно выработанную и въ
сущности не слишкомъ далеко ушедшую отъ своего родника.
Мнѣніе о значеніи денегъ, боготворимыхъ въ продолженіи цѣлыхъ
вѣковъ,—дало поводъ къ образованію понятія о цѣнности вообще,
и т. п. Какъ же можемъ мы оставить безъ вниманія эти пункты
ученія, хотя и ложнаго, но богатаго вліяніемъ, только потому,
что они не сомкнуты были въ строгую систему, не приняли на-
учной формы?

Въ практикѣ — важность изложенія и критическаго разбора
такихъ ошибокъ представляется намъ еще большею. Не смотря
на высокое состояніе науки, мы и теперь еще можемъ встрѣтить
всѣ эти ошибки живущими въ умахъ народа; мало того, не обра-
зованные — а они составляютъ большинство въ современномъ
обществѣ — раздѣляютъ многіе изъ такихъ ошибокъ; а слѣдова-
тельно можемъ ли мы оставить ихъ безъ вниманія?

2. Остается намъ еще высказать причину, почему мы пола-
гаемъ систематическое изложеніе мнѣній о предметѣ науки, пред-
шествовавшихъ ея окончательному образованію, важнымъ для са-
мой науки, а потому далеко не бесполезнымъ и не излишнимъ.
Мнѣніе наше основано на самомъ понятіи объ органическомъ свой-
ствѣ науки, на которое мы указали. Если зародыши ея имѣ-

ютъ неоспоримое значеніе для уразумѣнія ея свойства и ея значенія, если они находятся въ тѣсной живой связи съ современными мнѣніями изъ ея области, если наконецъ — они еще теперь присущи намъ, живя въ сочувствіи многихъ членовъ общества, то можно ли отрицать пользу ихъ изученія, а слѣдовательно ихъ изложенія? а изложеніе, достойное науки, можетъ быть разумѣется только систематическое. Притомъ только такое изложеніе ихъ и можетъ дать возможность вѣрно и вполне оцѣнить успѣхи науки. Узнавая все путемъ сравненія, этого единственнаго мѣрѣла оцѣнки, мы не можемъ ясно уразумѣть важности современной науки и ея успѣха, не принявъ въ соображеніе этихъ первыхъ ея зародышей. Только сравнивая тогдашнія мнѣнія съ теперешними, мы можемъ опредѣлить, какъ далеко мы подвинулись на этомъ пути, и узнать — такъ сказать — удѣльную жизненную силу науки. Самымъ совершеннымъ изложеніемъ началъ современной науки мы еще не дадимъ полнаго пріятія о ней: какъ бы логически ни были выведены частныя положенія изъ главныхъ началъ, какой бы строгой критикѣ полному развитію они ни были подвержены, мы всегда останемся въ невѣденіи о степени вѣрности ихъ, пока намъ не представитъ исторія однородныхъ предметовъ сравненія. Если мы возьмемъ сравненіе изъ области нашей науки, то выразимъ такъ: система представляется — годность вещи, исторія даетъ ей — цѣнность.

Въ Политической Экономіи такое исторически-сравнительное изученіе предмета имѣетъ еще болѣе важности, нежели въ какой-либо другой наукѣ: не смотря на увѣреніе многихъ современныхъ писателей, она представляетъ еще много пробѣдовъ, много вопросовъ остается въ ней нерѣшенныхъ, или рѣшенныхъ только въ половину. Въ такихъ вопросахъ, остающихся до сихъ поръ спорными, единственный путь къ рѣшенію — собственное мышленіе, единственный критерій — исторія; но, чтобы не впасть въ старыя заблужденія, мы должны знать и обсудить ихъ, мы должны заглянуть въ прежнюю литературу, гдѣ иногда уже касались нѣкоторыхъ вопросовъ и теперь еще волнующихъ умы мыслителей. Достаточно указать для примѣра на вопросъ о степени участія, которое должна принимать общественная власть въ экономическихъ отношеніяхъ индивидуумовъ, живущихъ въ государствѣ, — на степень ограниченія частнаго соперничества и т. п. не говоря уже о множествѣ второстепенныхъ подожженій изъ области науки, еще несовершенно опредѣленныхъ и необходимо предоставленныхъ произволу фантазіи.

Вотъ почему изученіе экономическихъ сочиненій Италіи не можетъ не интересовать занимающагося Политической Экономіей: —

въ новое время Италіанцы первые указали истинный путь къ научному изслѣдованію матеріальнаго производства, принявъ аналитическую методу для рѣшенія экономическихъ задачъ. Причина этому лежала въ самомъ состояніи Италіанскаго общества, или что то-же самое, въ отношеніи его потребностей къ существовавшимъ въ немъ средствамъ ихъ удовлетворенія; но прежде, нежели мы займемся объясненіемъ этого пункта, мы должны указать на самыя *предетва*, которыя находились въ рукахъ тогдашнихъ ученыхъ для обсуживанія и рѣшенія общественныхъ вопросовъ, т. е. на то, что завѣщено было имъ предшествовавшей литературой и на ея вліяніе. Эта сторона вопроса въ исторіи науки имѣетъ такую же важность, какъ и самыя причины, вызвавшія появленіе извѣстныхъ ученыхъ сочиненій.

Все новое знаніе, какъ извѣстно, ведетъ начало изъ древняго міра. Плоды учености послѣдняго, на время заглохшіе, но не погибшіе въ развалинахъ павшей цивилизаціи, дали ростки, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образовалась современная наука. Этого нельзя примѣнить вполне къ Политической Экономіи, но и въ ея области преданія древней мудрости и внутренней римской политики были присущи умамъ двигателей государственнаго хозяйства. Самая наука о послѣднемъ въ новомъ мірѣ, правда, образовалась самобытно; но даже и въ ней нѣсколько времени авторитетъ древнихъ писателей не могъ не отразиться. Это мы видимъ ясно въ первыхъ политико-экономическихъ сочиненіяхъ Италіи; частыя указанія и ссылки ихъ на Аристотеля, Платона, Цицерона и на римскихъ юрисконсультовъ—ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ; а если они сами такимъ образомъ видѣли связь своихъ ученій съ древними, если ихъ мнѣнія представляютъ въ главныхъ чертахъ много родственнаго съ греческими и римскими писателями, то мы—разумеется—не имѣемъ никакого права отрицать эту связь.

Что же представляла имъ древняя литература въ области нашей науки?

Древній міръ въ эпоху полнаго своего развитія, не оставилъ совершенно безъ вниманія экономическихъ явленій, хотя его труды и на этомъ поприщѣ запечатлѣны были печатью той-же односторонности, которая проявляется и въ другихъ трудахъ его подобнаго рода. Особенное, національное у Грека и у Римлянина—закрывало челоуѣческое, и временное—не позволяло ему думать о существенномъ и неизмѣнномъ. Вотъ отчего труды Грековъ, касающіеся Политической Экономіи, представляются чрезвычайно типическими, съ характеромъ рѣзко очерченнымъ; но имѣвшими свою цѣну только для тогдашняго общества.—

и мало применимы къ положенію другаго общества, замѣняшаго древнее на историческомъ поприщѣ.

Имена трехъ знаменитостей древней учености мы встрѣчаемъ въ исторіи Политической Экономіи: *Ксенофонта* (*Οἰκονόμις*), *Платона* (*περὶ πολιτεία*) и *Аристотеля* (*πολιτεία*). Каждый изъ нихъ имѣетъ иное научное значеніе: Ксенофонтъ рисуетъ намъ *картину* древняго экономическаго общества; Платонъ возвышаетъ его до *идеала*; Аристотель извлекаетъ изъ него *теоретическія положенія*. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ по этому какъ бы естественное дополненіе другъ къ другу и взаимно объясняютъ одинъ другаго. Одна общая основа, — древнее экономическое устройство — видно въ ихъ экономическихъ сочиненіяхъ, различающихся между собою по цѣли и формѣ, но гармонирующихъ по духу. Главныя черты сходства ихъ суть слѣдующія:

Интересъ государства является у нихъ преобладающимъ надъ частнымъ интересомъ лица, которое и существуетъ по ихъ понятіямъ какъ бы для государства: его развитіе и даже самое его существованіе важно только по пользѣ, которое оно приноситъ послѣднему. Эту пользу государственную они даже не могли понять въ ея высшемъ значеніи; они не возвышались до той мысли, до которой дошли современные мыслители, т. е. не понимали пользы государства въ его образованіи, его славѣ, его умственномъ и литературномъ вліяніи. Удаленные, отрѣзанные отъ другихъ народовъ, существовавшихъ совмѣстно съ ними, но всегда имъ враждебныхъ въ слѣдствіе различія и содержанія и формъ ихъ цивилизаціи, они — не видѣли другой цѣли для государства, кромѣ борьбы со врагомъ и собственной защиты, другой славы народной, кромѣ побѣды и власти. Этимъ духомъ узкой народности проникнута вся литература и вся жизнь древнихъ Грековъ. Человѣкъ, какъ человѣкъ, у древнихъ не имѣлъ значенія: онъ былъ важенъ, какъ одинъ изъ органовъ, необходимыхъ для извѣстныхъ функцій государственныхъ. Передъ идеею государства онъ имѣлъ также мало значенія, какъ рабъ передъ гражданиномъ: тѣже отношенія орудія и двигателя, отношенія чистой власти, исключаяція всякую возможность привязанности и взаимной любви. Этотъ взглядъ общъ всѣмъ даже лучшимъ умамъ Греціи. И можно ли удивляться послѣ этого, что въ ихъ понятіяхъ преобладала идея государственно-физическаго утилитаризма? Ксенофонтъ ясно высказываетъ это (IV). Тоже самое руководствуетъ Платона въ выборѣ его образцовыхъ гражданъ.

Этимъ взглядомъ древнихъ намъ объясняются воѣтъ стран-
ные результаты государственной мудрости, до которыхъ они дош-

ли путемъ хотя односторонняго, но логически-правильнаго умозаключенія.—Эти результаты суть слѣдующіе:

1) Ремесла составляютъ занятіе, недостойное гражданина, потому что они безобразятъ тѣло и отнимаютъ свободное время; слѣд. гражданина дѣлаютъ неспособнымъ къ войнѣ и бесполезнымъ для государства. *Ср. Ксен. 'Оик. VI. 5.*

2) Земледѣліе напротивъ, укрѣпляетъ тѣло и не безобразя его, есть занятіе почтенное. *Ср. ibid. IV, V.*

3) Военное искусство, доставляя возможность побѣды надъ врагами государства, — должно составлять существенный предметъ воспитанія, (на чемъ особенно настаиваетъ Платонъ въ *Полит.*) и — необходимое условіе образованія каждаго гражданина. *Ср. Ксен. ibid. VI. 8., Аристот. I. iii, 8.*

4) Торговля, разъединяя интересы частныхъ лицъ съ интересами государства, и творя для нихъ другую цѣль, кромѣ цѣли послѣдняго, была презираема и гонима ими. Противъ нея вооружается и Платонъ, и Аристотель (*ibid. 25*), который признаетъ ея настоящую форму неестественнымъ способомъ мѣны (*ibid. 13*). Идея эта, свидѣтельствующая о близорукости ума человѣческаго, пережила вѣка и еще живетъ въ постановленіяхъ и обычаяхъ современныхъ государствъ.

5) Но, клеймя такимъ позоромъ два источника народнаго богатства, нужно было замѣнить ихъ чѣмъ—нибудѣ для того, чтобы существовать по человѣчески: стремленіе къ высшему развитію было сильнѣе предрасудковъ, а потребности, порожденные имъ, настоятельно требовали себѣ удовлетворенія. Замѣну эту представило *насиліе*, этотъ двигающій законъ стараго міра; въ экономической организаціи общества оно приняло форму *рабства*, признаваемаго Аристотелемъ не только естественнымъ, но и сообразнымъ съ истинной справедливостію, потому что рабы рождены повиноваться.

6) Извращая такимъ образомъ естественное воззрѣніе въ самыхъ священныхъ предметахъ, древніе также были далеки и отъ правильнаго пониманія основнаго начала общества: они придавали слишкомъ много значенія произволу человѣка. Такъ—они отрицали безусловную цѣнность денегъ и признавали зависимость ихъ отъ воли человѣка, который по ихъ мнѣнію даетъ имъ значеніе только тѣмъ, что соглашается принимать ихъ извѣстнымъ образомъ. (*Ср. Плат. полит. Арист. Пол. I. iii, 14, 16. 'Етик. V. 7*). Это соглашеніе проявляется въ государственныхъ опредѣленіяхъ и постановленіяхъ, во власти которыхъ и находится цѣнность денегъ, и право опредѣлять ихъ цѣну (*Ср. Ксен. о средствахъ увеличить доходы Аттики IX*).

Вся эта система мнѣній греческихъ писателей, цѣликомъ перешедшая потомъ въ убѣжденіе Римлянъ, свидѣтельствуетъ о поверхности ихъ взгляда на экономическія явленія: они не умѣли въ нихъ отличить дѣйствительнаго отъ необходимаго, и современное имъ принимали за рациональное. Основавшись такимъ образомъ на ложныхъ началахъ, они были послѣдовательны въ ихъ развитіи и примѣненіи. Не будучи глубоки, они были логичны.

Италянскіе писатели, пользовавшіеся ими, усвоили себѣ главныя положенія ихъ ученія и—въ самомъ меркантилизмѣ можно замѣтить ихъ вліяніе. Большая часть мнѣній его составляетъ только отраженіе нѣсколько извращенное тѣхъ же идей, которыя господствовали въ древности. Измѣненіе произошло само собою въ слѣдствіе иныхъ требованій времени, но основа осталась та же: такъ презрѣніе къ ремесламъ принимаетъ форму цеховыхъ стѣсненій вмѣсто прежнихъ отношеній рабскихъ; земледѣіе, военное искусство, деньги занимали тоже мѣсто въ общественномъ мнѣніи, и одно только различіе въ системѣ экономическаго воззрѣнія этихъ двухъ эпохъ — представляетъ намъ — торговля. Презираемая и почти гонимая въ древности, — въ новомъ мірѣ она принимаетъ на себя роль повелительницы судебъ народныхъ, указываетъ путь государственной политикѣ, рѣшаетъ судьбу частныхъ учреждений и обусловливаетъ собою коллективную дѣятельность страны; но замѣтимъ, что самое это различіе не такъ безъусловно, какъ представляется съ перваго раза. Такимъ почетомъ пользовалась только торговля внѣшняя оптовая, только ея вліяніе было признано и уважаемо: мѣлкіе торговцы не пользовались ни тѣмъ, ни другимъ; они подвергались всему презрѣнію, всѣмъ непріятностямъ, которыми невѣжество всегда считаетъ въправѣ обременять этотъ классъ производителей; и въ древности было тоже самое касательно послѣднихъ: оптовая торговля и тамъ не считалась занятіемъ слишкомъ достойнымъ презрѣнія, напротивъ за нею признавалась кое-какая заслуга (Cic. de off. l. 42). Но самое разительное сходство экономическаго воззрѣнія обоихъ этихъ эпохъ, по крайней мѣрѣ, какъ оно проявляется въ литературѣ той и другой, это — духъ государственнаго утилитаризма. Въ первыхъ экономическихъ сочиненіяхъ новаго времени, какъ у Италянцевъ, такъ и у Англичанъ и у Французовъ, мы встрѣчаемъ постоянно ту мысль, что человѣкъ существуетъ для государства, что всѣ мѣры послѣднего должны быть предписываемы общею пользою, общею выгодною, опредѣляемою пзвѣстною государственною цѣлію и сознаніемъ ея въ умѣ общественной власти: частный интересъ, выгода отдѣльныхъ лицъ не могла быть принимаема во вниманіе; гражданинъ существуетъ вполнѣ для своего отечества, передъ которымъ онъ беспомощенъ и безотвѣтенъ. Здѣсь патріархальный способъ воз-